

Е. В. Анисимов, В. Н. Козляков, И. В. Курукин, В. В. Морозан, Д. А. Редин

КРУТЛЫЙ СТОЛ: РОССИЯ И РОМАНОВЫ

Тему настоящего номера журнала подсказала очередная круглая дата: 400 лет назад, в ситуации глубочайшего кризиса, преодоления первой в истории России гражданской войны, в острой политической борьбе началось становление новой правящей династии. На Земском соборе 1613 г. был избран новый государь — Михаил Федорович Романов. Более чем на три столетия судьба страны оказалась связана с Царствующим Домом Романовых. Воцарение Михаила Федоровича не означало само по себе окончания Смуты: понадобилось еще пять лет, прежде чем удалось выйти из состояния войны с соседями — Речью Посполитой и Шведским королевством, — и еще несколько десятилетий, прежде чем ценой невероятных усилий Россия сумела восстановить систему государственного управления, финансы, экономику в целом и в какой-то мере гармонизировать межсословные отношения. Но, наверное, было бы несправедливо отрицать тот факт, что избрание монарха, чью власть в

конечном итоге признали все основные политические силы и социальные группы населения, явилось важным стабилизирующим фактором в процессе восстановления российской государственности.

События завершающего этапа Смуты воспринимаются именно как восстановление государственности. И это не метафора. После поражения русских войск в сражении под Клушино 24 июня 1610 г. и низложения, а затем и пленения царя Василия Шуйского, после появления в Москве польского гарнизона и окончательной потери Боярской думой (а в отсутствие монарха именно она оставалась последней легитимной властью) какого-либо контроля над ситуацией не то что в стране (ее не контролировал и прежний государь), но даже в столице, Россия как государство потеряла свой суверенитет и *de facto*, и *de jure*. Но одновременно с этим, пройдя, казалось бы, «точку невозврата», страна нашла в себе силы начать мучительный и долгий «путь к себе», к своему возрождению и восстановлению. Смутное время парадоксальным образом раскрыло как самые низменные, самые темные стороны человеческого характера: цинизм, беспринципность, жестокость, убивающую душу алчность, патологическую жажду власти — словом, все пороки, которые с такой дьявольской откровенностью и так обостренно проявляются именно в гражданских войнах, так и паразитическую готовность к самопожертвованию, неистребимую жизнестойкость, способность к покаянию, высокие образцы героизма и гражданственности — т. е. те качества, которые, вероятно, тоже пробуждаются в народе в ситуациях катастроф национального масштаба. В конечном итоге именно эти качества делают население обществом, а этносы — нацией, способной к возрождению и развитию.

История сыграла с Россией злую шутку: возродившись из руин Смуты начала XVII в., страна была ввергнута в еще более страшную Смуту начала XX в., последствия которой мы — и общество в целом, и профессиональные историки, — до конца не осознали и по сей день. И все это время вместе с Россией исторический путь разделяла правящая династия — от Смуты к Смуте, через взлеты и

Анисимов Евгений Викторович — д.и.н., профессор, научный руководитель факультета истории Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург)
E-mail: vbrevis@yandex.ru

Козляков Вячеслав Николаевич — д.и.н., профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета (г. Рязань)
E-mail: vnkozliakow@yandex.ru

Курукин Игорь Владимирович — д.и.н., профессор кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
E-mail: kurukin@mail.ru

Морозан Владимир Васильевич — д.и.н., профессор кафедры истории предпринимательства и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)
E-mail: v_moga@mail.ru

Редин Дмитрий Алексеевич — д.и.н., зав. кафедрой истории России Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
E-mail: volot@mail.ru

неудачи, отвечая на вызовы времени и па-суя перед ними. Последний крупный юбилей Романовы как Царствующий Дом с большим размахом и особенной торжественностью праздновали в 1913 г. Собственно говоря, только к 300-летнему рубежу пребывания у власти события далекого 1613 года стали восприниматься как юбилейные. Сегодня с особой остротой понимаешь весь трагизм этих впервые проводимых торжеств: через год срабатывает спусковой механизм, который лишит династию власти, а правящего монарха, его семью и близких — жизнью. Новые реалии сделают «романовскую» Россию фантомом, миром иным. «Нет, Вы ошибаетесь, друг дорогой, / Мы жили тогда на планете другой», — с пронзительной точностью опишет ощущение этой утраты Георгий Иванов. «Это было, было, да прошло. / Все прошло и выюгой замело», — откликнется Александр Вертинский. Впрочем многие ли слышали их голос тогда за грохотом «маршей энтузиастов»?

Но вот пронеслось целое столетие после трехсотлетнего юбилея. Звезды на кремлевских башнях как-то ужились с двуглавым орлом на государственном гербе России, как будто воплотились стихи, воспринимаемые теперь как пророческие: «Два месяца в небе, два сердца в груди — орел позади и звезда впереди. / Я поровну слышу и клекот орлиный, и вижу звезду над родимой долиной», — написанные советским поэтом Дмитрием Кедринным в 1930-х гг. Россия опять «новая». 4 ноября, не очень удачно «привязанное» к событиям, непосредственно предшествовавшим утверждению династии Романовых, стало государственным праздником. Власти с переменной настойчивостью ищут новую национальную идею, а оппозиция марширует и под имперскими, и под красными знаменами. И вроде бы как-то нехорошо, неправильно не отметить 400-летнюю годовщину... Чего?

Один чиновник областного масштаба, собрав комиссию, созданную его же помощниками по поводу означенного юбилея, начал заседание с вопроса: «А что мы, собственно, собираемся праздновать? Надо спросить у историков». К слову сказать, в этой комиссии было много, очевидно, достойных людей, но ни одного профессионального историка в нее включить не догадались. Может быть, эта история — лишь досужий анекдот. Тем не менее, вопрос показался заслуживающим внимания.

Редакция журнала «Уральский исторический вестник» решила начать номер, посвященный истории романовской России, своеобразным заочным «круглым столом», в котором любезно согласились принять участие широко известные в нашей стране и за рубежом специалисты по отечественной истории XVII — начала XX вв. — Евгений Викторович Анисимов, Вячеслав Николаевич Козляков, Игорь Владимирович Курукин и Владимир Васильевич Морозан. Ведущий круглого стола — Дмитрий Алексеевич Редин.

Дмитрий Редин: В текущем году исполняется 400 лет со дня восшествия на русский престол Михаила Романова и начала правления Дома Романовых. В связи с этим в стране уже проходят научные, научно-популярные и культурные мероприятия и ряд программ регионального и федерального уровня. Многие из них так и называются: «К 400-летию Дома Романовых». Но корректна ли такая формулировка? Ведь династия Романовых уже 100 лет не является правящей, а Россия — не является монархией. Что же мы тогда празднуем?

Евгений Анисимов: Меня, как и многих других, поражает традиционно советская «юбилейность» мероприятий. Если бы мы жили в Испании и праздновали годовщину прихода к власти династии Бурбонов в 1701 г., то это было бы понятно, а так что мы празднуем?

Игорь Курукин: Так ведь особо и не празднуем: всенародных торжеств, тем более на официальном уровне, как и народного ликования на улицах, нет — кажется, победа в футбольном или хоккейном матче на первенство мира вызовет куда больше эмоций. И династия как стоящие у кормила великой державы персоны давно ушла в прошлое; есть несколько частных лиц за границей, выясняющих, кто из них имеет право считаться «царствующим домом», — зрелище не самое симпатичное. Однако споры о законности прав великой княгини Марии (в смысле можно или нельзя считать брак ее отца с княжной Леонидой Багратион-Мухранской морганатическим) вполне виртуальны и, к счастью, никакого значения для страны не имеют.

В этом смысле юбилей — скорее повод для размышлений об ушедшей эпохе, а не юбилей в привычном смысле. То время всегда будет вызывать интерес — потому, что царей и их деяния так или иначе «проходят» в школе; потому, что образы правителей так или иначе

используются в политических спорах, публицистике, прессе, кино и даже рекламе; потому, наконец, что в конкретных исторических условиях российские государи являлись не просто правителями, но инициаторами и руководителями важных преобразований.

Но есть серия мероприятий, организованных по инициативе местных властей, общественных организаций и частных лиц, например бизнесмена Малофеева, председателя совета Межрегиональной организации «Романовский юбилей», что, безусловно, можно приветствовать — не только за внимание к своей истории, но и как проявление того самого гражданского общества, о формировании которого сейчас так много говорится.

Хотя, как кажется ехидному историку, бывшее поношение «ига самодержавия» и Николаев «палкиных» и «кровавых» как-то слишком органично обращается в столь же искреннее обожание самодержцев былых времен, но это уж, видимо, особенность нашего культурного мироощущения, в котором, по определению мудрых людей, «основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные)... располагались в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишённом нейтральной аксиологической зоны» (Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1977. Вып. 44. С. 4). Такая бинарная модель культуры при переходе общества в новое качество стремилась не к приспособлению прежних культурных ценностей к новациям эпохи, а к замене старых идеалов на новые, сохраняя при этом ту же полярность восприятия.

Владимир Морозан: Вызывает некоторое смущение слово «празднуем», используемое применительно к этой дате. Думаю, что в современной России нашелся небольшой круг людей, который отнесся к событиям 400-летней давности столь пафосно. Кроме того, акценты поставлены неверно. Если мы говорим о семье Романовых, то она существует более 400 лет. Если мы говорим о царствующем Доме Романовых, то его уже почти 100 лет нет. Таким образом, важно понять, для кого указанная дата является праздничной, да и праздник ли это в действительности. Россия 2013 г. совсем не похожа на Россию 1913 г., когда 300-летие воцарения Михаила Романова торжественно праздновалось значительной

частью населения страны. Монархия умерла в нашем Отечестве, и не без вины царствовавшего Дома Романовых. Недальновидная, порой пагубная политика царских властей обрекла на смерть огромное число наших соотечественников. Учитывая это, невольно задаешь себе вопрос: стоит ли кому-либо в России торжественно праздновать 400-летний юбилей прихода на царство Романовых? Мне думается, что нет. Конечно, научные дискуссии, конференции, различные публикации в прессе, яркие передачи на телевидении — мероприятия нужные и даже полезные для всех нас: события 1613 г. и последующее царствование Романовых достойны внимательного исследования, публичного обсуждения, вдумчивого рассмотрения. Опыт этой царствующей семьи крайне важен для политической элиты современной России, которая часто не замечает угроз настоящего времени. Публичный и объективный анализ уроков прошлого также полезен для умиротворения нашего общества, в котором противоречия невероятно остры и труднопреодолимы.

Вячеслав Козляков: Дело, конечно, не в формулировках. Они, по определению, всегда будут вызывать споры. «400-летие Дома Романовых» легко опровергнуть фактом гибели династии в 1918 г., но ведь не только монархисты вспоминают об этом празднике. Скорее, это общая попытка опереться на исторический опыт, вернуть утраченную преемственность, без которой после семи советских десятилетий оказалось очень «холодно» на просторах российской истории: она была вся искалечена со времен «академического дела» на рубеже 1920–1930-х гг. и «Краткого курса ВКП(б)». Историю России заменила, как хорошо помнят специалисты, «история СССР периода феодализма». Никакой «династии Романовых» (это словосочетание употреблялось лишь в обвинительном контексте) в учебниках истории не было. Даже само слово «Смута», с которой связано начало правления Дома Романовых, не использовалось: оно казалось недопустимым отступлением от сформировавшихся в 1930-е гг. определений «крестьянская война» и «иностранный интервенция». Правда классические «Очерки по истории Смуты» С. Ф. Платонова — главного фигуранта «академического дела» — вышли в свет новым, посмертным, изданием в 1937 г. Но ведь это была книга опального историка «старой школы», изгнанного из Академии наук,

обвиненного в монархическом заговоре и отпущенного в ссылку. Про Смутное время и про все, что было связано с Романовыми, можно было прочитать в общих исторических курсах выдающихся русских историков С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, переизданных во времена «оттепели» на рубеже 1950–1960-х гг. Но в официальной советской историографии Смуты правило бал «восстание Болотникова»: под эту тему подверстывались практически все труды и новейшие открытия документов по русской истории начала XVII в. Можно, например, вспомнить казус с изданием «Повести о земском соборе» 1613 г., найденной и впервые опубликованной А. Л. Станиславским (совместно с Б. Н. Морозовым). Редакция журнала «Вопросы истории» специально задержала 1983 г. эту публикацию, чтобы не было связи с «юбилейной датой» воцарения династии Романовых!

Ставший уже привычным поворот к «нормальному» восприятию российской истории, где никто не хватается за оружие, услышав иную трактовку истории, отличную от «единого учебника», совершился в основном на рубеже 1980–1990-х гг. Мы прошли большой путь, чтобы не пугаться каких-то не тех слов. Хотя и не избежали «детской болезни», связанной с появлением известного «монархического придыхания» при упоминании Романовых на троне. Кому-то из историков, образно говоря, снова захотелось попасть в свиту их императорских высочеств — они стали писать Царь и Император исключительно с большой буквы. Но это все-таки искусственное и исключительно старомодное отношение к монархии, прощительное для дилетантов. То, что нас смущает в праздновании «400-летия Дома Романовых», есть подспудно ощущаемый грех отказа от той версии прошлого, которую большинство соотечественников изучало по советским учебникам, или неприятие новой фальши с ряжеными монархистами. Когда окончилось воздействие большевистской мифологии «героев Гражданской войны» (мы тоже пели вместе с Булатом Окуджавой «и комиссары в пыльных шлемах...»), взоры обратились к историкам, но оказалось, что они мало что могли предъявить обществу. Долгое время продолжала (и отчасти продолжает) действовать идеология «народного подвига Минина и Пожарского» (в трактовке фильма об этих героях 1940 г.). Впрочем Смута, связанная

для многих с оперными персонажами Бориса Годунова, Самозванца, Марины Мнишек да Ивана Сусанина, и не была никогда предметом особого общественного внимания. Правда не забудем при этом, что в либретто советской версии оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», переименованной в «Ивана Сусанина», были изъяты все упоминания о юном царе Михаиле Романове.

Внятного объяснения того, «что мы празднуем», нет. Может быть, это прозвучит парадоксально, но и не дай Бог, чтобы такое объяснение появилось. Прошедшие в последние годы юбилейные конференции, предварявшие «романовский» 2013 год, показали, что опять возникает стремление использовать историков для обслуживания идеологических нужд. Так много пустых слов сказано про «единение» и про «окончание» Смутного времени, так отчетливо слышны голоса государственных пропагандистов и записных телекомментаторов, что уже проложена дорога новой мифологии. Однако отношение к прошлому — это личное дело каждого человека, и нельзя доверять его формирование государству, стремящемуся на наших глазах унифицировать российскую историю и возвратиться к выхолощенным подходам к прошлому.

Очевидно, дурную услугу в этом оказал введенный с 2005 г. государственный праздник «День народного единства», отмечаемый 4 ноября. Когда только появилась идея его празднования, впервые отсылающая к событиям за пределами советского периода истории, мне казалось, вопреки скепсису многих коллег, что такой праздник нужен. Думалось, что введение в календарь новой «красной даты» даст толчок историческому просветительству, поднимет престиж профессии историка, будет способствовать самоорганизации сообщества историков. Однако вместо этого произошла политизация праздника, превратившегося в почти официальный день русского национализма. Идеологи и эксперты «Единой России» с их вялой идеей «добрых дел» были сметены мощной волной маршей и шествий под хоругвями. Вскоре в Александровском саду появится памятник патриарху Гермогену, что усилит церковный, а не государственный характер праздника. Показательно, что все государственные телеканалы 4 ноября заполняют эфир тем, что под руку попало, а не дискуссиями на историческую тему.

Дмитрий Редин: Чем, на ваш взгляд, значимы Романовы для России? В какой мере лавры побед и бремя поражений за трехсотлетний период истории страны лежат на этой династии?

Вячеслав Козляков: Есть такое расхожее выражение — «история, написанная победителями». Оно вполне применимо к Романовым в период Смуты. Достаточно открыть «Новый летописец» — памятник, созданный, как считается, в окружении патриарха Филарета на рубеже 1620–1630-х гг. В нем можно увидеть разные методы борьбы с политическими противниками: отсроченное сведение счетов с теми, кто был враждебен романовскому кругу, недостоверные свидетельства, умолчания о позиции самих Романовых в Смуту. Например, даже сегодня приходится с трудом «прорываться» к оценкам современниками Бориса Годунова — главного соперника Романовых в борьбе за трон. А ведь начало романовского возвышения связано с их возвращением из ссылки мнимым «родственником» — Лжедмитрием I. В сан патриарха отец Михаила Романова был возведен в Тушино при Лжедмитрии II. Сколько раз укоряли бояр за «национальную измену» в деле призвания польского королевича Владислава на русский трон, забывая при этом историческую канву событий: ведь во главе посольства от Боярской думы вместе с боярином князем В. В. Голицыным стоял все тот же будущий патриарх Филарет. И когда один стольник — князь Дмитрий Пожарский — воевал под Москвой, другой стольник, правда совсем юный в сравнении с Пожарским, — Михаил Романов — так и пробыл в Кремле в течении всей осады столицы силами земских ополчений в 1611–1612 гг.

Если кто-то думает, что состоявшееся в итоге избрание Михаила Романова на царство было predetermined всем предшествующим ходом событий, то он, по крайней мере, заблуждается. В 1613 г. выбор среди претендентов на трон был достаточно большой, хотя будущему русскому самодержцу нельзя было позавидовать, потому что никто из трех царей, правивших после Бориса Годунова, не кончил мирно свое правление (двух царей — Федора Борисовича и «Дмитрия Ивановича» — убили, а одного — Василия Ивановича — свели с престола). Продолжала действовать также общая присяга королевичу Владиславу всех чинов Московского царст-

ва, проведенная, по договору Боярской думы с гетманом Жолкевским, в августе 1610 г. По другому договору «Совета всея земли» с Новгородским государством в 1612 г., князь Дмитрий Михайлович Пожарский и другие воеводы земского ополчения готовы были принять в качестве русского самодержца шведского королевича Карла-Филиппа.

Однако только современники царя Михаила Федоровича могли еще какое-то время вспоминать о боярском происхождении Романовых, для последующих поколений, живших в Московском царстве и Российской империи, это были уже вполне законные цари. В Смуту утвердилось представление о наказании за общие грехи и возникло общее стремление возвратиться к устойчивому миропорядку, «как при прежних прирожденных государях бывало». Древний идеал «тишины», связанный с успешными правителями (об этом говорилось, например, в «Степенной книге» XVI в. при характеристике самых известных древнерусских князей), снова оказался востребован. Совсем не случайно и сына царя Михаила Федоровича — Алексея Михайловича — называли «Тишайшим», несмотря на многие войны с Речью Посполитой и Швецией, городские восстания и великий бунт Стеньки Разина!

Характеризуя династию Романовых, надо помнить, что это была еще и семья в прямом смысле слова. Все, что в ней происходило веками, тоже накладывало свой отпечаток на отечественную историю. Хрестоматийный пример — борьба кланов Милославских и Нарышкиных во второй половине XVII в. А если бы, например, власть получил царевич Алексей Алексеевич, внезапно умерший в начале 1670 г., то каким бы тогда было продолжение русской истории и слышали ли бы мы что-нибудь о последнем сыне царя Алексея Михайловича — Петре? Или, к примеру, история дворцовых переворотов и конфликтов в борьбе за власть в XVIII в. потомков двух соправителей — Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича. Куда деться от размышлений о судьбе династии Романовых в связи с двумя смертельными диагнозами — «геморроидальными коликами» Петра III и «апоплексическим ударом» Павла I? Каждый раз за этим следовала великая эпоха — Екатерининский век или «дней Александровых прекрасное начало», — но династические грехи все равно никуда не исчезали. И даже в XIX в. все могло пойти по-другому, если бы не ранняя смерть

наследника престола Николая Александровича в 1865 г. Названный в честь своего дяди, царь Николай II уже упорно выступал против перемен в новом XX в., следуя больше позиции своего отца — консерватора Александра III, — чем деда — либерала и реформатора Александра II.

Владимир Морозан: Наверное, не ошибусь, если скажу, что в мире нет царствующих династий, на которых бы не лежало бремя поражений, так же как большинство из них испытало счастье побед или успехов. В этом отношении Романовых нельзя отнести к исключительной династии. Процесс управления страной, в особенности такой громадной, как Россия, не мог быть простым. Ошибки и провалы были неизбежны. Но было и множество побед и успехов, достигнутых благодаря умелым действиям Романовых. Таким образом, оценки роли этой семьи в отечественной истории не могут быть однозначными, одномерными, если хотите. К примеру, я не симпатизирую Петру I. Его личность крайне неприятна мне своею жестокостью, неуважением к образу жизни современников, преклоном перед Западом в ущерб России, небрежением к жизни громадного числа чужих ему людей и близких родственников. Тому множество примеров. Нет сомнения в его талантливости, громадной воле и других достоинствах, но его несдержанность, торопливость, суетливость — причина провала многих его начинаний важных и крайне полезных для России. Очевидно, что методика преобразований, взятая на вооружение Петром I, часто не оправдывала себя. По этой причине реформаторская деятельность первого императора России давала множество недоброкачественных результатов, оплата которых производилась людскими жизнями и чрезмерными материальными ресурсами. Вместе с тем этот царь предвосхитил многие события и явления, сделав Россию великой державой. В оценках деяний такого монарха трудно и даже невозможно соблюсти объективность и беспристрастность.

Именно по этой причине в нашей историографии и в публицистике сложилось, как мне кажется, деформированное отображение исторических процессов, когда одних представителей Дома Романовых поминают беспрестанно, а о других говорят мимоходом или недостаточно. В частности, неоправданно скупо освещается царствование Александр

ра II, чей политический опыт достоин самого внимательного отношения. Два года назад отмечалось 150-летие начала его великих реформ. Однако для общества этот юбилей прошел почти незаметно. Возможно, причиной тому явилось его деликатное, бережное отношение к жизни, судьбе и благополучию своих подданных, да и интересы государства не остались без его внимания. Как я заметил, представителями нашей политической элиты больше импонирует жесткость, даже жестокость, предшественников: они уважительно относятся к Ивану Грозному, Петру I и даже Сталину. Их образы культивируются, а их методы правления объясняются то традициями, то суровой необходимостью того времени, но непременно с долей оправдания. В других случаях политическая конъюнктура или другие аспекты и интересы политической элиты делают отдельных неудачных правителей России лишь жертвами обстоятельств, коварства противников и пр. Такой драматичной фигурой в общественном сознании выступает Николай II. Очевидно, не желая конфликтовать с Русской православной церковью, политические круги страны предоставили ей возможность формировать в общественном сознании лишь образ честного и порядочного человека, что вынуждает нас забыть о бездарной, порой преступной политике Николая II. Да и среди историков находятся те, которые готовы не вспоминать бесславные годы правления этого монарха, акцентируя внимание лишь на трагическом исходе его жизни. Глубоко сожалея о мучительной гибели семьи последнего русского царя, тем не менее, надо помнить, что трагедия России XX в., а значит, и Романовых — плод и его деяний.

Евгений Анисимов: Несомненно, ответственность за происходившее во многом лежит на династии Романовых. Раз было самодержавие — абсолютизм, то эта ответственность возрастает во сто крат. И мы не можем сказать, что все правители династии чувствовали ее в полной мере. Я думаю, что с этой точки зрения правила историзма не действуют: люди, оказавшиеся на троне, независимо от времени, несут эту ответственность сполна. Я думаю, что эту ответственность в полной мере ощущали только Петр Великий, Екатерина II, Александр II. Но тут уместен вопрос о том, что конкретно они ощущали. Каждый монарх за власть держался и был за это ответствен. Но лишь эти трое думали не об удержании

власти, а о будущем России, и много делали для этого: один создал могучую державу, другая стремилась придать ей человеческое лицо, а третий прямо сказал, что наша дорога только с Европой, Россия — европейское государство и должна идти путем конституционной монархии, парламента и тогда сможет избежать нового пугачевского бунта. И до 1 марта 1881 г. он очень далеко ушел по этому пути.

Игорь Курукин: И лавры, и бремя тяжко на них лежат — именно в силу того, что в старой России уж слишком большая доля власти была сконцентрирована в маленьком пространстве дворца.

Отсутствие в России XVII–XIX вв. сословий с закрепленными в течении столетий правами, неразвитость общественной жизни и господство «личного начала» (т. е. «преобладание в государственном управлении частноправовых элементов», как определяли это явление отечественные правоведы) предоставляли монарху известную независимость, в том числе и в проведении серьезных реформ — это касается Петра I, Екатерины II, Александра II. Но и плата за неограниченное «самодержавство» была высока: раз царь всё решает (пусть не всё и не сам, но формально это выглядело именно так) — он за всё и отвечает. Как говорил попавший при Екатерине II в тогдашний «КГБ» — Тайную экспедицию Сената — мужичок Денис Семёнов, «как наша государыня села на царство, так и погоды не стало».

Отказаться же от надзаконной власти — значит отказаться от самого принципа самодержавия. В XVII–XVIII вв. это государям и в голову не приходило (как и большинству их подданных) — вспомним чеканную петровскую формулу: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен». В XIX в. — это уже в голову приходило (точнее, либеральные министры об этом напоминали), но категорически отвергалось. «Я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что сделай я это сегодня — и завтра Россия распадется на куски», — отвечал Александр II в 1865 г. на предложение собрать палату из выборных представителей земств, городов и национальных окраин с правом только совещательного голоса.

За огромное бремя власти и платить приходилось дорого. Отсутствие даже у благо-

родных подданных легальных возможностей для самостоятельного участия в политической жизни порождало борьбу группировок-«партий», интриги, заговоры, дворцовые перевороты. Бравые гвардейцы в 1741 г. буквально на руках принесли во дворец дочь Петра I Елизавету, но законный младенец-император Иоанн III Антонович с этого дня стал безымянным узником, более 20 лет провел в заточении и погиб от рук стражи в 1764 г. Другой внук Петра — Петр III — процарствовал всего полгода: солнечным июньским днем 1762 г. его свергла с престола жена, Екатерина II; через несколько дней после отречения император был убит гвардейской охраной. Не повезло и его сыну: Павел I отречься не пожелал и был удушен ворвавшимися в его спальню заговорщиками-офицерами в марте 1801 г.

С другой стороны, выход из образа «природного государя» грозил выдвиганием государей «истинных» — самозванцев — или еще хуже, например когда в годы I Мировой войны традиционный образ «батюшки-царя» перестал совпадать с понятием «отечество». И уже не только радикальные интеллигенты, но и мужики стали думать, что «царь продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землей»; «царь-картежник проигрался в карты и вздумал войну»; «царь Николай Россию промотал».

В слабых руках механизм абсолютной монархии был опасен. На рубеже XIX–XX вв. он привел к утрате монархией лидерства в процессе обновления страны. Политические потрясения и мировая война с вызванными ею общественными сдвигами способствовали отчуждению верховной власти от общества и в итоге привели династию к краху.

Кроме того, как говорил великий историк Василий Осипович Ключевский, «прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий». Историческая традиция — явление мощное и трудноустраняемое. В современной российской действительности политологи отмечают признаки традиционной политической организации: прежде всего концентрацию и персонификацию власти; определяющую роль «личных отношений, персональных и групповых неофициальных связей» в становлении и функционировании государственных учреждений. Кроме того,

сохраняется (а то и усиливает свои позиции) бюрократия с весьма размытыми представлениями о законности и границах своих прав, ориентированная на исполнительность и личную преданность в качестве залога успешной карьеры. Благополучно дожили до начала XXI в. и патронатно-клиентские отношения в политике, имеющие под собой не только прежние традиции, но и характерный тип массового сознания. Вот и просят «подданные» у «государя-президента» квартиру: он же справедлив и милостив, всё может. Царь он или не царь?

Дмитрий Редин: Каковы, с вашей точки зрения, наиболее яркие достижения и наиболее зловещие провалы в истории страны, которые можно связать с Домом Романовых?

Владимир Морозан: Нет сомнения, что XVIII и XIX века самые яркие в жизни Дома Романовых. Эти столетия наиболее насыщены военными успехами, благодаря которым Россия обрела необъятные просторы и первенствующее положение в Европе. Конечно, имперская политика России требует критического отношения историков. Давно назрела необходимость исследовать эту политику во взаимосвязи с общемировой историей, определить ее влияние на мировые процессы, а также вред, нанесенный Россией окружающим странам в результате ее имперской экспансии. Как мне кажется, мы часто забываем о пагубности этой политики для некоторых соседних народов, избегаем объективных оценок результатов тех или иных побед. Конечно, интересы державы ставили перед Домом Романовых задачи, решение которых нередко затрагивало судьбу не только России, но и пограничных с ней стран. Можно вспомнить череду русско-турецких войн, которые растянулись более чем на 150 лет. Особый успех в этой борьбе имела Екатерина II, которая умело подбирала командный состав русской армии, а ее блестящая внешняя политика способствовала успешному развитию военных операций на южном направлении. К сожалению, подобную характеристику нельзя дать деятельности Николая I, чья политика «замораживания» социально-политического положения в стране привела к катастрофе в Крыму в 1850-е гг. Этот монарх оказался одним из наименее ярких представителей Дома Романовых.

Вячеслав Козляков: Достижение — это, конечно, почтенный возраст романовской ди-

настии, пережившей трехсотлетний рубеж. Главный провал состоит в том, что она не смогла уберечь себя от уничтожения. Привела к этому череда расколов, все увеличивавшая разрыв между властью, народом и обществом. К концу существования Дома Романовых мы видим опору на бюрократию и устаревшие представления об обществе, по-прежнему основанные на сословном разделении; сибаритство (подберу мягкое слово) элиты, считавшей, что ей принадлежит все по праву рождения; затянутое решение крепостного вопроса; торопливая модернизация и неприятие политических изменений царем Николаем II. Это абрис основных вех, про каждую из которых надо говорить долго и отдельно. Возвращаясь к истокам романовской династии, надо помнить, что в XVII в. долго еще не гасли угли Смуты. Основные герои и участники событий дожили до 1640-х гг. (в Смуту они были по преимуществу молодыми людьми, как, например, тот же царь Михаил Федорович). Во второй половине века в войнах с Речью Посполитой решался (и был решен) исторический вопрос о возвращении Смоленска. Но русскому человеку тесно даже тогда, когда перед ним тысячи километров неосвоенных пространств. Старые идеи о древнерусском наследстве, об объединении земель, бывших некогда под управлением Владимира Святого, снова овладели умами, и на престоле явился «царь Великия и Малыя и Белья Руси». Имперский дух стал искушением для русских людей уже в XVII в., и Петр Великий исполнил их чаяния.

Игорь Курукин: Явное, хоть и не очень яркое достижение — это восстановление страны в XVII в. после страшной Смуты, которую по ущербу вполне можно сравнить с последствиями катаклизмов 1914–1920 гг. Трудно, пожалуй, назвать первых Романовых (Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича) «великими» или даже особо удачливыми: в периоды их царствования были и неудачные реформы, и проигранные или невыигранные войны, и церковный раскол, и кровавые бунты. А ведь все таки они оказались на своем месте: держава выстояла и окрепла. Еще труднее выявить личную роль монарха в этом неспешном процессе: слишком мало мы знаем об их повседневных трудах...

Куда ярче блеск империи времен Екатерины II и Александра I — победы Румянцева, Суворова, Кутузова; обретение степей Ново-

россии и долин Грузии, «берегов Тавриды» и Аляски; русский царь, «Агамемнон Европы», — на белом коне в Париже! Лихой, победный дух времени отлично выразил Гавриил Державин в неофициальном российском гимне:

Мы ликуем славы звуки,
Чтоб враги могли узреть,
Что свои готовы руки
В край вселенной мы простреть.

Но рост России вширь уже тормозил назревшие внутренние изменения: технический прогресс едва затронул российские просторы; империя жила не по средствам и «подсела» на иностранные займы... И все же каково было Николаю I после 25 лет успехов осознать, что его армия и флот во многом уступают противнику в Крымской войне, а его сыну — подписать позорный Парижский мир, который запрещал великой державе иметь флот на Черном море и крепости для обороны его берегов. На этот раз тревожный «звонок» был услышан, но в начале XX в. все повторилось.

Евгений Анисимов: Конечно, наиболее ярким по достижениям был XVIII в., в первую очередь благодаря Петру I и Екатерине II. Это период становления великой Российской державы и великой русской культуры. Без императорского периода, при всем уважении к веку XVII, не было бы современной России. Представим Россию без Санкт-Петербурга и петербургского периода XVIII в. русской истории! Мы бы даже не говорили на таком языке, каким говорим ныне. Да, можно сказать — величие это основано на крепостном праве, на самодержавии без берегов. Но иных основ для подъема страны не было! А дальше Александр II начал еще более грандиозный подвиг — превращение (причем пошаговое) страны в европейскую державу. И если говорить о страшном провале, то это даже не 1917 г. — он был неизбежен после 1 марта 1881 г. Именно с этой даты страна, как сбитый самолет, стала падать. Эпоха «теплого народного самодержавия» Александра III и Николая II означала поворот к антизападнической реакции и — как следствие — к революции, которая была по сути настоящей контрреволюцией, победой дикого начала в народе, чем ловко воспользовались большевики. Собственно, неизбежность этого крушения лучше всех осознавал архитектор «ананасовой» политики «подмораживания России» К. П. Победоносцев, который был убежден, что Россия катится в пропасть. Но он,

не приемля западничества Александра II, туда ее и толкнул. Правда в последний момент можно было еще как-то «вырулить» из бездны. Но, к нашему несчастью, у власти оказался ничтожный политик, который не был готов к жертве во имя России — к отказу от самодержавия. А ведь многие прежде абсолютистские страны Европы шли по этому пути: Испания (уж какая была могучая католическая монархия) приняла конституцию, скандинавские страны (ведь Николай же видел, что происходит на родине матери, в Дании!).

Дмитрий Редин: История «романовской России» (помимо прочего) — это бесконечная череда реформ, причем часто характеризуемых как «незавершенные», или реформ и контрреформ. Сегодняшнему обществу, в известной степени раздраженному и утомленному 20-летием новейших реформ, было бы, наверное, интересно понять: постоянное реформирование — это наше нормальное, обыденное состояние в постоянно меняющемся мире? Главное не цель, главное — процесс? Или все-таки у реформ есть финальная цель, какой-то предел? Как этот вопрос выглядит в исторической ретроспективе?

Евгений Анисимов: Есть реформы и «реформы». Настоящие реформы ведут к появлению нового качества, открывают новые горизонты (Петр I, Екатерина II, Александр II), а другие «реформы» — имитационны (слова одни или почти одни слова — Александр I, Николай I — вспомним его бесчисленные комиссии). Реформы Гайдара — это реформы, а реформы Путина — имитационны. В Вашем вопросе тонко подмечено: идея реформ — этакая фишка каждой власти. Если я не реформатор, то вроде и неполноценный правитель. Как после смерти Петра Великого все клялись следовать его путем, да не шли. Но тут возникает вопрос о том, что стоит за словами о реформах: отменить крепостное право, объявить о приватизации — это одно, а выстроить властную вертикаль, отменить губернаторские выборы — это другое. Преобразование для всей страны — реформы, а для кучки людей у власти — не реформы.

И последнее. Приведу общие соображения о династии и монархизме. К сожалению, династия Романовых была неудачная. Во-первых, она была автохтонная («казаки Мишку, одного из нас, наорали»! Раньше это был «Бориска», потом «Васька Шуйский»,

свои, неавторитетные), поэтому к ней не было уважения, какое бывает к приезжим из-за моря. Недаром шведы пригласили Бернадота, англичане — Ганноверскую династию. К династии из московских бояр не было пиетета с самого начала, к тому же царицы у власти 75 лет! Во-вторых, представители династии не сумели в ходе своего правления добиться у народа истинного авторитета, уважения (вспомним испанского короля Хуана Карлоса или Хокона VII Норвежского), не вписались плотно в тело истории России. Последний наш царь был ничтожеством, он не умел вести себя так, чтобы его уважали в народе. А это страшно важно. Монарх — это личность, харизма. Шаляпин, размышляя о роли Бориса Годунова, писал: «Надо уметь играть царя. Огромной важности, шекспировского размаха его роль. Царю, кажется мне, нужна какая-то особенная наружность, какой-то особенный глаз. Все это представляется мне в величавом виде. Если же природа сделала меня, царя, человеком маленького роста и немного даже с горбом, я должен найти тон, создать себе атмосферу — именно такую, в которой я, маленький и горбатый, производил бы такое же впечатление, как произвел бы большой и величественный царь. Надо, чтобы каждый раз, когда я делаю жест перед моим народом, из его груди вырывался возглас на все мое царство: Вот это так царь! А если атмосфера не уяснена мною, то жест мой, как у бездарного актера, получается фальшивый, и смущается наблюдатель, и из груди народа сдавленно и хрипло вырывается полупшепот: Ну и царь же!.. Не понял атмосферы — провалился. Горит Империя». Вот и Николай не понял атмосферы!

Есть и другая сторона — монархизм как стабилизатор общества. Вот отрывок из воспоминаний Романа Гуля, который был в Англии в момент вступления на престол безалаберного Эдуарда VIII с целым «букетом» пороков и проступков, против которого поднялся тогдашний истеблишмент. Гуль пишет: «Но если судить о настроении простого народа по рабочим наших студий, ко всему этому “букету” у них не было никакого отрицательного отношения. Рабочие были за короля — и только! У нас в перерыв работ в кафетерии происходили бурные сборища. Помню, как один молодой рабочий, придя в раж, кричал: “Мы любим нашего короля! Мы хотим нашего короля! Нам нужен наш король!” Им не было никакого дела до миссис Симпсон (скорее на-

оборот), до кутежей и даже до свидания с Гитлером. “Это наш король! Мы любим его!” — кричал неистово этот молодой рабочий. И все с ним были согласны. Скажу честно, слушая все эти высказывания рабочих, я завидовал англичанам. Я увидел воочию, как им, англичанам, действительно дорог и нужен король. Они были подлинные монархисты. И, не разбираясь в тонкостях политики, хотят своего законного короля. Мне была завидна эта английская, органическая, естественная, глубокая привязанность к своей истории, к своей монархии. В этом была большая сила и воля. И я невольно вспоминал о чувстве нигилизма и анархизма, вымахнувшем в России в начале революции, когда в бараках 140-го Запасного полка в Пензе солдаты (народ, крестьяне!) срывали со стен портреты царя и царицы и в каком-то диком (дичайшем!) исступлении и остервенении топтали их сапогами до тех пор, пока не оставалось ни клочка. Я никогда не был “записным монархистом”. У нас в семье жил дух демократизма и реформизма, но вырвавшаяся наружу (во всем народе!) нигилистическая и анархическая ненависть к монархии была мне супротивна, она потрясла меня. Вместе с ненавистью, с топтанием портретов вырвалась ненависть и ко всякому “чинопочитанию”. В этом всенародном нигилизме и анархизме я почувствовал “всегосударственную опасность”». Конечно, в этом, прежде всего, была вина самой трехсотлетней династии, не сумевшей привить народу ни доверия к себе, ни любви, ни традиции. Была вина и церкви, которая, за малыми исключениями, жила «вне народа». Виновен был и бессмысленный террор народников, эсеров. Всё ж больше всего виновны были те, кто держал в руках власть и «подмораживал» Россию на свою же голову.

Игорь Курукин: Вот тут надо бы разобраться. Реформы как таковые — не абсолютное зло, а, в общем-то, нормальная адаптация социального организма и политической системы к изменившимся условиям, если угодно — свидетельство их жизнеспособности, поскольку отсутствие изменений в живом организме — это либо достижение полного счастья, либо застой, а то и еще хуже — смерть. И то, что реформы идут, — это отнюдь не особенность России. Можно подумать, что в той же Англии XVIII–XIX вв. реформ не было. А Францию до конца XIX столетия постоянно «трясло» от смены (отнюдь не бескровной) политических режимов.

Но есть и разница между Россией и Западной Европой. И в Англии, и во Франции революции XVII–XVIII вв. установили некий социальный порядок, который в основе своей оставался неизменным: гарантии собственности; независимый суд (хотя и не всегда справедливый и милостивый); четко определенные права граждан (пусть не все и не сразу); участие населения (в той или иной степени, не остававшейся неизменной) в политической жизни, хотя бы на уровне местного самоуправления.

В России же в 1861 г. началось переустройство сложившейся социально-экономической системы, которое так и не успело завершиться. А в XX в. грянуло две революции — в 1917–1937 гг. и с 1992 г. И происходила не просто замена царя на Советы, а Советов — на парламент с президентом, а ликвидация прежнего общественного устройства — вплоть до смены фундаментальных ценностных ориентаций и устранения из жизни целых социальных групп. Так что есть от чего устать. Только реформы, например, Екатерины II или даже Александра II по сравнению с потрясениями новейшего времени выглядят мероприятиями «белыми и пушистыми»...

А насчет предела — так, например, компетентный в этом вопросе покойный Егор Гайдар в одном из последних интервью говорил о 60 годах до будущего счастья...

Владимир Морозан: Я не рассматриваю историю России времен Романовых как историю бесконечно чередовавшихся реформ. Модернизация общественных отношений, отдельных отраслей государственного управления, хозяйственной жизни — процесс необходимый для любой страны. Кроме того, многие перемены не всегда отражались непосредственно на жизни простых обывателей, т. е. они не всегда ощущали их последствия. Скорее всего, лишь в сознании современных исследователей история России отображается как непрерывный процесс преобразований, что говорит только о нашем субъективном отношении к прошлому нашего Отечества. Я бы оценил период царствования Романовых как время острого недостатка своевременных реформ и перемен. Лишь Петровская эпоха отмечена скоропалительными, часто непродуманными реформами. Впрочем военное время начала XVIII в. толкало и без того торопливого монарха к поспешным и слабо обдуманым шагам. В остальные исторические этапы

мы часто обнаруживаем затягивание принятия решений по тем или иным злободневным вопросам. Если обратить внимание на практику разработки и реализации отдельных реформ, то можно убедиться, как трудно, порой мучительно, давались эти перемены, даже узкопрофильные. Нередко проекты реформ не только разрабатывались годами, но и часто оказывались нереализованными. Примеров тому очень много. В частности, можно указать на попытку произвести реформу денежного обращения и банковского дела накануне Отечественной войны 1812 г. Неудачно сложилась судьба реорганизации акционерного дела в России в конце XIX — начале XX в. А сколько было секретных комитетов при Николае I, которые рассматривали множество вопросов, требовавших скорейшего решения. Но на деле большая часть предложений членов этих комитетов оказалась невостребованной. Николай I не был готов к тому, чтобы воплотить большинство этих идей. Ярким примером неповоротливости государственной машины и Дома Романовых могут служить мучительные потуги уничтожения крепостного права. Проволочки с принятием судьбоносного решения во многом были связаны с позициями Александра I и Николая I: первый не смог побороть свою нерешительность, а второй — свой страх перед грядущими переменами. Совершенно иным образом в этом деле повел себя Александр II, который, вопреки своему личному отношению к крепостному праву и к способам его уничтожения, смог уступить требованию времени и отменить этот постыдный для XIX в. институт. Полагаю, что этот поступок — настоящий подвиг одного из представителей Дома Романовых. Словом, история этой семьи полна ярких, славных страниц, которыми она может гордиться. Но и негативных моментов было также немало. Несомненно лишь одно: она оставила в отечественной истории глубокий след.

Вячеслав Козляков: В исторической ретроспективе самыми успешными были те правители, кто начинал реформы, а наибольших результатов добивались те, кто следом за этим сворачивал курс реформ или осуществлял свои «контрреформы». Парадокс! В истории России эти «качели» — реформы, сменяющиеся контрреформами, — действительно определяющая парадигма развития. Можно сравнить их с дыханием: вдох, затем выдох и после стадии покоя (или отсутствия

дыхания) снова вдох. Причем началось это еще до Романовых, а значит, не связано только с ними и ими не кончится. Многие помнят «карамзинскую» концепцию «двух» Иванов Грозных — одного царя — эпохи реформ «Избранной рады», другого — времен опричнины и поражения в Ливонской войне. Здесь тоже заметны привычные стадии исторического процесса «реформ–контрреформ», которые олицетворяются в фигуре одного и того же царя. Но личностное, династическое измерение истории не единственное, на что приходится обращать внимание. Не менее, а может быть, и более, важно то, что обозначенная в вопросе смена «реформ» и «контрреформ» соотносится в нашей истории с еще одним выбором — между интересами Москвы, «центра», и уездов или регионов. Когда появилось единое Русское государство, произошло объединение прежних великих княжеств под властью московских князей, тогда и возникла необходимость в реформе государственного устройства. Самые успешные российский реформы были те, которые учитывали интересы «Земли» (очень емкое понятие для XVI–XVII вв., практически равнозначное понятию «Царь»). Земская реформа Ивана Грозного, губернская реформа Екатерины Великой, создание земства при Александре II — все это примеры лучших российских реформ, потому что их конечная цель была связана с активным участием входящих в местные сообщества людей в обустройстве собственной жизни. Это включало новый механизм, противопоставляя свободную деятельность ради общих интересов корыстной бюрократии, заинтересованной исключительно в имущественных и чиновных предпочтениях. Бывали, конечно, и бюрократические реформы, где провинция тоже ставилась во главу угла. Например, при Петре I, но это была чужая для населения реформа (по урезанным шведским образцам), без власти прихода и без традиционного для России крестьянского самоуправления. Петр «рисовал» реформы как свой любимый Петербург, только если что-то не получалось, то недочеты исправляли не архитекторы, а начальники воинских команд. Напротив, Екатерина II, продолжившая в своей губернской реформе деятельность реформатора Петра I, сумела выстроить новый порядок местной жизни, когда в России впервые появилось провинциальное общество. Самое большое значение в истории имеют те реформы, которые соединяются с

идеалами целого поколения людей. Например, земцы второй половины XIX в. видели в службе в новых земских учреждениях свое жизненное призвание, и это стало великим государственным и культурным явлением, изменившим историю России. Как писал поэт Андрей Вознесенский, «есть в Рихтере и Аверинцеве земских врачей черты».

Дмитрий Редин (заключительное слово): При всех различиях в высказанных мнениях участники дискуссии, несомненно, сошлись в одном: наиболее значимым периодом в истории романовской России оказался XVIII в. и большая часть XIX в. Вероятно, в основе такого единодушия лежат некие объективные обстоятельства, ведь профессиональная специализация ученых, принявших участие в «круглом столе», не укладывается в эти хронологические рамки, поэтому их трудно запознать во «вкусовщине» и вольном или невольном следовании за «своим» материалом.

Для нашего прошлого названный период — время империи. Если придерживаться формальностей, то у Российской империи существовали гораздо более точные временные границы — 1721–1917 гг. Однако на сегодняшний день едва ли кто-то из серьезных специалистов будет настаивать на такой хронологии. Империи не возникают лишь в результате принятия главой государства императорского титула; отведенный империям срок не определяется лишь одними законодательными актами. Империя как социально-политический, а может быть, и шире — социокультурный феномен может прекрасно существовать вне монархических форм и под другими наименованиями. Россия в этом отношении не была исключением. В профессиональном сообществе историков бытует вполне устойчивое мнение о том, что истоки российской «имперскости» уходят, как минимум, в середину XVI в. и что она причудливым образом переживает «реинкарнацию» в веке XX, в период советской истории. Да и сегодня слова «Россия» и «империя» нередко соседствуют: кто-то видит в этом опасные тенденции, нежелание расстаться с «имперскими амбициями», «имперским мышлением», а кто-то считает, что Россия просто не может существовать вне имперской формы организации.

Каких бы оценочных взглядов ни придерживались современные участники «имперского дискурса» из числа политиков и общественных деятелей, мы можем с большой долей

ответственности констатировать: романовская Россия периода своего расцвета — это зрелая (явная, не латентная, терминологически и институционально проясненная) империя со всем своим блеском и пороками, успехами и проблемами, отложенными долгами, вовремя не выявленными болезнями и несомненными победами и прорывами. Именно в этот период Россия превращается в мировую державу, входя в пятерку ведущих европейских государств, определявших судьбы мира. Она умудряется поддерживать свой статус вплоть до постигшей ее (вместе с остальным «клубом») катастрофы начала XX в.

Понимание важности имперской эпохи романовской России повлияло на формирование основной части настоящего номера.

Очевидно, что обретение имени «империя» связано в российской истории с крупным «модерным» проектом Петра Великого. При всех признаках перехода России к нововременной модели организации государства и общественных отношений, отмечаемых в допетровский период, только в его царствование начался осознанный и открыто декларируемый поворот к принципиально новой стратегии развития. По поводу теоретических основ этого поворота размышляет в своей статье К. И. Зубков (Екатеринбург), предлагая новый вариант прочтения камералистской доктрины как системы взаимодействия государства и общества. Статьи, принадлежащие перу М. А. Киселева (Екатеринбург), Ю. Н. Смирнова (Самара) и С. В. Любичанковского (Оренбург), раскрывают на основе свежего источникового и историографического материала различные варианты практик социального конструиро-

вания, расширения имперского пространства и решения политических и административных проблем на разных стадиях существования Российской империи — с конца 1730-х гг. до рубежа XIX–XX вв. В статье И. Л. Маньковой проблема формирования государственной территории России рассматривается через концепт «православного ландшафта». Автор прослеживает процесс инкорпорации Урала и Сибири в общую систему российских православных ценностей. Проблема разнообразия презентационных форм власти как ее основы диалога с обществом предстает в статье О. А. Мельчаковой (Екатеринбург), посвященной торжествам по поводу восшествия на престол Александра I в 1801 г., и в работе С. В. Голиковой и Л. А. Дашкевич (Екатеринбург), избравших объектом своего исследования эволюцию отношения правительства к охране детства, понимаемой в качестве одного из аспектов управленческой деятельности государства. Завершает тематический блок статья А. В. Морохина (Нижний Новгород), вновь возвращающая нас к образу первого русского императора. Взяв за основу конкретный исторический факт — визит Петра I в Нижний Новгород в мае 1722 г., — автор раскрывает механизмы формирования одного из мифов об императоре (и его империи?) в сознании современников события и в последующей локальной историографической традиции.

Осознавая все объективные ограничения, связанные с невозможностью раскрытия крупной исследовательской проблемы в рамках одного журнального номера, редакция, тем не менее, надеется, что отобранный и таким образом скомпонованный разноплановый материал позволит, хотя бы и отчасти, разнообразно представить феномен романовской империи.

Ключевые слова: *Романовы, Россия, империя, реформы, правящая династия*

Evgeny V. Anisimov

Doctor of Historical Sciences, National Research University — Higher School of Economics in St. Petersburg (Russia, St. Petersburg)
E-mail: vbrevi@yandex.ru

Vyacheslav N. Kozlyakov

Doctor of Historical Sciences, Ryazan State University (Russia, Ryazan)
E-mail: vnkozliakow@yandex.ru

Igor V. Kurukin

Doctor of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)

E-mail: *kurukin@mail.ru***Vladimir V. Morozan**

Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

E-mail: *v_moga@mail.ru***Dmitry A. Redin**

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *volot@mail.ru*

ROUND TABLE DISCUSSION: RUSSIA AND ROMANOVS

The topic of the round table discussion opening this issue of the “Ural Historical Vestnik” is the history of the Romanov’s dynasty which was reigning in Russia in the 17th – early 20th centuries. In commemoration of the jubilee – 400 years of the dynasty’s accession to power – the participants of the discussion voiced their opinions on the issues related to the understanding of the importance of this event. How topical for the contemporary Russian society is the “Romanov’s story”? How and to what extent the process of the historical development of the country was related to the acts of the ruling dynasty and was corrected in accordance with its goals and attitudes? Why the three hundred years period of the Romanov’s reign which was marked by a series of undoubted victories and a growth of the Russian influence on the global arena ended with a national collapse and the death of the royal family? Was the pattern of alternating reforms and counter-reforms cycles, which served as the undercurrent of the whole Romanov’s period, characteristic for Russia in general, and, if so, what was its meaning? These were the questions to which the leading history scholars specializing in the history of the Romanov’s Russia attempted to find the answers.

Key words: *the Romanovs, Russia, empire, reforms, the ruling dynasty*